

Максим Горький

**Эд Эстонье, «Жульен
Дарто»**

Максим Горький

Эд Эстонье, «Жульен Дарто»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22119170

Аннотация

«Молодой французский писатель Эстонье написал небольшую, но очень значительную книгу, в которой резкими штрихами изобразил французскую дипломированную молодёжь, – ту молодежь, из которой вырабатываются деятели в областях промышленности и политики. Как произведение искусства, эта книга не выдержит строгой критики: она написана сильно – но торопливо, ярко – но эскизно; она производит впечатление картины, очень большой и по размеру и по мысли, но кажется написанной учеником...»

Горький Максим

Эд Эстонье,

«Жульен Дарто»

*(Я не излагаю содержание книги, находя это ненужным важна мысль её, олицетворяемая в Жульене Дарто. К тому же изложения содержания книг поощряют умственную лень и празднословие в русском читателе, ибо, позволяя ему не читать книги, в то же время не мешают болтать о ней.
– М. Г.)*

Молодой французский писатель Эстонье написал небольшую, но очень значительную книгу, в которой резкими штрихами изобразил французскую дипломированную молодёжь, – ту молодёжь, из которой вырабатываются деятели в областях промышленности и политики. Как произведение искусства, эта книга не выдержит строгой критики: она написана сильно – но торопливо, ярко – но эскизно; она производит впечатление картины, очень большой и по размеру и по мысли, но кажется написанной учеником. В порыве творчества, увлечённый идеей, положенной в основу книги, Эстонье писал, пожалуй, слишком однотонными красками, но это не лишает его книгу глубокого общественного значения, не мешает ей возбуждать в читателе мысль и чувство. В

книге Эстонье явно ощущается страстное отношение автора к жизни, в ней звучит большая внутренняя правда; внешние недостатки порою даже как бы подчёркивают внутреннее значение книги, ибо кажется, что автор – сам один из героев, изображаемых им, и во многом кровно сроден с ними.

Главное лицо книги – Жульен Дарто, сын мужика – только что кончил политехническую школу и на первых страницах романа ищет себе места. У этого молодца сильная воля, но она ещё не дисциплинирована, и хорошо развитое чувство собственного достоинства. Он – мужик, здоров, практичен, жадно хочет жить, хочет богатства, власти, наслаждения, но ещё не имеет места в жизни, достойного его способностей, и пока живёт уроками. Его отец смотрит на него как на «дело», в которое он вложил известный капитал и которому уже пора приносить известные проценты. И сам Жульен смотрит на себя так же:

Пятнадцать лет мы выбивались из сил, – говорит он своим товарищам Шеню и Градуану, людям, менее прямым в своих стремлениях, чем он, и более слабым, чем он. – После коллегии – экзамен на бакалавра, потом ещё два года долбни; наконец, конкурс, то есть сортировка. На конкурс нас пришло восемьсот, а через день пятьсот исчезло. Остались избранные, и мы в том числе. Но этого мало: нас снова выбирают, дают дипломы при выпуске. На этот раз остаются лучшие из лучших... Эти избранные олицетворяют собою умственный капитал. Капитал – в точнейшем значении слова:

в каждом из нас воплощены расходы на ученье за пятнадцать лет и столько же жизни без заработка. Существует правило, что капитал должен давать доход. . . Я имею право на проценты с моего времени, с моих денег.

Старик Дарто полагал, что это право имеет только он, общество уверено, что ему именно должны идти проценты с воспитанной им личности, государство предъявляет свой счёт. Но у молодого Дарто своя точка зрения, – точка зрения личности, считающей себя совершенно свободной от всяких иных обязательств, кроме тех, которые ей внушают её личные желания и стремления.

Это какой-то грабёж мозгов без всякого внимания к отдельным лицам и их склонностям! В один прекрасный день берут ребёнка, замуровывают его в коллегия: он не знает, чего от него хотят, куда его ведут. Когда операция кончена, общество производит сортировку и кидает отбросы в помойную яму! Вот кто эксплуататор! Вот кто истинный виновник, убивающий без жалости, ради своего удовольствия!

«И пользы», – следовало бы прибавить Шеню, ибо это уже говорит второй Дарто, неудачник.

Как видите, в его словах звучит нечто, с чем, при всём нашем лицемерии, мы должны согласиться.

И мы – русское общество – тоже должны подумать над этим, хотя кричит француз Дарто. Ведь очень возможно, что завтра же закричит Василий Петров человек, восемь лет сидевший в классической гимназии и четыре года голодавший

в университете:

Вы отравили меня латынью, вы исковеркали мне мозг глупостью школьных учебников, вы не помогли мне, когда я голодал, когда меня выгоняли из университета за невзнос платы... Так не смейте же требовать от меня ничего, – я не должен!

Услышав такие речи из уст Василия Петрова, мы, разумеется, расскажем его, иссечём кнутами моральных сентенций... но Васька не будет нас слушать, а станет с аппетитом и жадностью есть общественный пирог и даже, может быть, будет запивать его кровью другого классика, ближнего своего.

«Я не хочу быть только орудием», – говорит личность современному обществу, которое строит фабрики, делает машины, исподволь стремится обратить человека в машину, всё меньше ценит его и уже не хочет идеалов иных, кроме миллиона.

Но пока Василий Петров, Шеню, Градуан и другие протестуют только словом, они не беспокоят никого. Очень жаль, потому что из среды этих бунтарей против порабощения их обществом являются такие люди, как Дарто.

Дарто – не Саккар Золя, человек, в сущности, недалёкий, тупой человек, который любил дело само по себе, увлекался работой, процессом её, и которому деньги нравились также сами по себе, как дикарю блестящие бусы. Дарто – не хладнокровный Поль Астье Додэ, человек, который, устроив себе

жизнь тёплую и уютную, всё-таки счёл необходимым найти и самооправдание в теории Дарвиновой борьбы за жизнь.

Дарто – изувеченный условиями жизни, изголодавшийся, оскорблённый в своём достоинстве человек, который никому ничего не может простить и может и будет наслаждаться мезью, разрушая то, что исковеркало его как личность.

Он – сознательный враг общества. Его цель – власть, его главная задача – мезь. По дороге к этой цели он хладнокровно будет давить людей и с приятным чувством посмотрит на их падение, на их несчастье. В нём нет ничего демонического, как нет демонического в машине, как нет демонизма в динамитном патроне. В нём есть страсть разрушения, он воспитал её в себе, но она скипелась в нём почти в инстинкт.

Шеню, его товарищ, говорит:

В помойную яму всех молодчиков, которые... иссохли над книгами, извелись, отяжелели мозгом! В навозную кучу их за негодность! Так – нет же! Этого не может быть и не будет! Близок час, когда на этом навозе взойдёт нежданная жатва. Рабочий – это только руки, мозги – здесь! Он – тесто, годное для выделки чего угодно, а тут – дрожжи, та невидимая закваска, которой необходимо, ради охранения своего существования, разложить окружающую среду... Да, да, вот они, эти дрожжи! Это все учёные, все надорвавшиеся, все переутомлённые, все обманутые, для которых уже не существуют более никакие понятия о нравственности, которые утратили

веру в небесное правосудие и требуют от земли того, что она может им дать. Они замесят ту квашню, которая преобразует мир! Что они такое? Закваска жизни или смерти – не знаю!

Шеню говорит верно. Да, все эти люди понемножку разрушают общество, как коховские бактерии живой организм. Да, они логически необходимо должны сделать это. Да, да, общество развивается, давит людей, и растёт в нём тот яд, от которого оно погибнет. «Ум и чувство наших граждан киснут и грязнятся в трясине наших городов...» – говорит Теннисон. Пускай киснут! Вот кислота, которая разъедает железную жизнь, машинную жизнь, созданную капиталом! «Ничто в природе не пропадает бесследно!» И даже запах трупов, запах раздавленных тяжёлыми колесами технического прогресса людей, – и этот запах имеет свою творческую силу! Он не только отравляет жирное тело капитала, он носится в воздухе, питает собою цветы идей человеколюбия, и они растут, они цветут – украшают жизнь и возбуждают в человеке ненависть к тому, что поработочает его дух, его творческий дух, свободный дух!

Но Шеню только пассивно примет участие в процессе разложения общества. Слова в его устах – слова и только. Дело – делает Дарто. Он возражает Шеню:

В ожидании рая вы хорошо сделаете, если займётесь настоящим. Гнилое или нет – общество существует, и мы принуждены жить в нём. Вы утверждаете, что нет справедливости. Тем лучше! Пусть каждая личность устраивается как

может, а браться за спасение человечества глупо.

Здесь Дарто говорит ещё как слепое, бессознательное орудие разрушения. Но в конце книги, крепко стоя на первой ступени к своей цели, он страстно кричит Градуану, только что выстрелившему в него из револьвера:

Убивать под предлогом справедливости – какая глупость! Твоя справедливость – прямо зависть, злоба против тех, кому везёт в жизни. Свались тебе в руки клад, и завтра ты найдёшь, что мир прекрасен...

Пока я подчинялся законам общества, оно оставляло меня в бедности; в тот день, когда я пренебрёг ими и пошёл другой дорогой, оно стало воздвигать предо мною всякие препятствия. Я ненавижу его так же, как и ты. Ненависть у нас одна, но мы идём разными путями... Ты говоришь, что власть – обман и произвол, правосудие – подкупно, религия – лжёт; всё это одни слова, которых никто не слушает, которым не верят. Власть, правосудие, религию – я всё куплю! Я живой пример того, как можно издеваться над правительством, как можно красть под покровительством законов и тайно грешить! При одном моём приближении богатство будет в опасности, совесть людская развратится. В один какой-нибудь час я причиню больше бедствий, чем ты, убивая каждый день. Где я – там нет чести, добра, кастовых преимуществ. Так согласишься, что в сравнении со всем этим твоя анархия – смешна! Из нас двоих анархист – это я, я – делец, аферист, выскочка, стремящийся взять от жизни все насла-

ждения.

Вот – Дарто! Вы видите, что это новый человек, а не Саккар, не Поль Астье. Его слова – истина, прямая и грубая, как сам он. Он не оправдывается, он только определяет самого себя. Общество хотело сделать из него орудие услуг для себя и исковеркало его душу, он воспротивился и стал разрушителем. Он – почти символ.

Он погибнет, этот Дарто, – и чорт с ним, к слову сказать! Его столкнёт с высоты, из его рук вырвет власть другой Дарто, более ловкий, более сильный и прямой. И этот погибнет, в свою очередь. Но каждое падение этих людей будет оставлять трещину в той стене, которую одни люди отгородились от других. Каждое падение – будит чьё-то сознание, возмущает чьё-то человеческое достоинство.

В жизни есть справедливость, высшая, чем та, которую пытаются установить теоретики. Судьбой назвать её, или логикой фактов, или ещё как всё равно. Она есть, – вот истина!

И всё то, что унижает человека, низвергая его в грязь и, как раба, уродуя его, и всё то, что мешает человеку жить согласно желаниям духа его, – всё это падёт пред силой справедливости, которая действует в жизни медленно, как дождь и ветер, уничтожающий высокие горы, – но верно действует и – восторжествует!